

DOI: 10.12731/2218-7405-2013-9-48

УДК 32

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕОЛОГИЯ, ЦЕЛИ И СТРАТЕГИЯ «КАВКАЗСКОГО ЭМИРАТА»

Агаев Хубяр Фейзи оглы

В статье дается анализ проникновения религиозной идеологии джихада на Северный Кавказ, факторов, которые привели к радикализации чеченских/кавказских боевиков. Представлен обзор взаимного проникновения глобального джихадистского движения религиозного экстремизма и терроризма на Северном Кавказе, дана краткая характеристика основных вдохновителей и деятелей религиозного экстремизма и терроризма на Северном Кавказе. Основное внимание уделено деятельности такой исламистской организации, как «Кавказский эмират». Дана оценка стратегической угрозы текущей деятельности «Кавказского эмирата» на российском Северном Кавказе и ее глубоких последствий для региона.

В связи с тем, что подавляющая масса зарубежных исследований старается избегать упоминания роли глобального джихада в регионе, привлекательности джихадизма для значительной части молодежи или влияния этих факторов на идеологию, цели, стратегию и тактику «Кавказского эмирата», особое внимание в статье уделено религиозной идеологии, целям, стратегии, тактике и возможностям «Кавказского эмирата» по применению насилия на территории России.

Ключевые слова: джихадистское движение, салафитская религиозная идеология, салафизм, джихадизм, такфиризм, таухид (единобожие – основа исламской религии), такфир (обвинение в неверии), вилайат (провинция).

RELIGIOUS IDEOLOGY, OBJECTIVES, AND STRATEGY OF THE “CAUCASUS EMIRATE”

Agaev Hubjar Fejzi ogly

This paper analyzes the penetration of the Jihad religious ideology into the Northern Caucasus and the factors that have caused radicalization of Chechen/Caucasus militants. The review of mutual penetration of the global Jihad movement of religious extremism and terrorism in the Northern Caucasus is presented; the major religious extremism and terrorism masterminds and figures in the Northern Caucasus are characterized. The main attention is paid to the activity of Islamic organization “Caucasus Emirate” in the Russian Northern Caucasus and its serious effects on the region.

Since the overwhelming majority of foreign researchers try to avoid mentioning the role of the global jihadist movement in the region, as well as the appeal of Jihadism for a significant number of young people or the effect of these factors on the ideology, objectives, strategy, and tactics of the “Caucasus Emirate, this paper focuses on the religious ideology, objectives, strategy, tactics, and the potential of the “Caucasus Emirate” in using violence on the territory of Russia.

Keywords: jihadist movement, Salafi ideology, Salafism, Jihadism, Takfirism, Tawhid (monotheism – the foundation of Islam), takfir (declaring a Muslim an unbeliever), vilayat (province).

Создание «Кавказского эмирата» («Имарат Кавказ» (ИК)) датируется 7 октября 2007 года, когда о нем объявил в своем обращении президент самопровозглашенной Чеченской республики Ичкерия (ЧРИ) Доку Умаров. Провозглашение «Кавказского эмирата» ознаменовало собой упразднение ЧРИ, создание на территории Северного Кавказа и близлежащих территорий нового государственного образования, состоящего из новых государственно-

административных образований (вилайатов) и живущего по законам шариата. Главой нового «Исламского государства» («амиром моджахедов Кавказа» и «предводителем джихада») был провозглашен Доку Умаров. [2]

Таким образом, ЧРИ прекратила свое существование, войдя на правах административно-территориального образования (вилайата) в состав «Кавказского эмирата». С упразднением ЧРИ процессы радикализации приобрели официальный характер. [4]

Существует ряд факторов, приведших к радикализации кавказских боевиков. Эти факторы включают в себя, во-первых, влияние глобального джихадистского движения и идеологии, реализуемой через Интернет или с помощью других средств. Различные международные исламские фонды и определенные политические экстремистски настроенные силы активно финансировали идеологическое проникновение, что послужило причиной особой восприимчивости к новым радикальным идеям.

Во-вторых, следует отметить неблагоприятный «социальный фон» исламского возрождения в России. Падение уровня жизни, маргинализация населения, рост безработицы, появление экономически депрессивных регионов, - все это в комплексе способствовало не только политизации ислама, но и его радикализации. Коррупция, характерная для традиционных обществ, опора на «свои» кланы в структуре местной власти закрывала для значительной части населения возможность выхода за пределы все более сужающегося социального пространства. Отчаяние и безнадежность, особенно в среде молодежи, вытесненной из сферы нормального производства, не способной получить образование и найти себя в новых условиях, создавали горючий социальный материал, который легко мог быть использован любыми крайне радикальными течениями, оперировавшими к тому же в целях социальной мобилизации и исламскими лозунгами. Таким образом, на периферии исламского мира в России возникла связь исламского радикализма с национализмом и сепаратизмом. [9]

В отсутствии сильного светского политического и идеологического противовеса, ислам на постсоветском пространстве утвердился не только в качестве регулятора духовной жизни и социальных отношений, но и полностью занял образовавшийся идеологический вакуум. Этот фактор привел к появлению исламизма как совокупности общественно-политических сил, выступающих за переустройство общества и государства на основе соответствующих принципов ислама.

Сегодня стало очевидно, что «Кавказский эмират» – это глобальная джихадистская организация. В мае 2011 года она была включена в список Государственного департамента США, предназначенный для внесения в него международных террористических организаций. [6]

Салафитская религиозная идеология достигла максимума в 2002 году, когда Шура (Высший религиозный совет) ЧРИ подчинила конституцию республики закону шариата и одобрила стратегию внедрения джихада на всем Северном Кавказе. [1]

С провозглашением «Кавказского эмирата» монополия салафитской религиозной идеологии и джихадизма, распространяемого среди боевиков Северного Кавказа, была полностью обеспечена и институционализована. [14]

Проводя анализ салафитской религиозной идеологии, можно выделить следующие характерные ее особенности:

- весьма крайняя нетерпимость к инакомыслию, ко всем представителям других религий, и, особенно, к неверующим;
- проповедь собственной исключительности и превосходства над другими;
- убежденность во владении «богооткровенной» истиной, которая объединяет;
- весьма резкие, отчетливые групповые границы, точно отделяющие своих от чужих;

- богоизбранность членов религиозного сообщества, восприятие себя как элиты;
- наличие харизматических авторитарных религиозных лидеров;
- директивные, жесткие требования к поведению членов религиозного сообщества;
- демонизация оппонентов, ксенофобия, боязнь чужого;
- избирательность салафитов относительно собственной традиции и современности (что принимать, что отвергать);
- озабоченность упадком религии в обществе, утратой достойного религии и необходимого для нее места.

Краеугольным камнем салафитской религиозной идеологии является таухид - утверждение единобожия во всех сферах жизни. Основываясь на этом принципе, салафиты отвергают существование многих традиционных для Северного Кавказа форм бытования ислама: различных суфийских практик и связанных с ними культов. Но таухид не ограничивается только тем, что приводит к разногласиям между представителями мусульманского общества по вопросу толкования догматов ислама. Помимо этого, посредством таухида салафиты аргументируют призыв к неподчинению светским властям и законам и утверждение правления, основанного на принципах шариата. Например, если следовать исламу и принципу единобожия, нельзя прибегать к какому-либо суду, помимо суда на основе шариата; предоставлять право законотворчества кому-либо, кроме Аллаха (право издавать законы имеет только Всевышний); поддерживать светскую демократию и вообще светский образ жизни; выступать за отделение религии от государства. Все это, по мнению салафитов, не приемлемо с точки зрения ислама и ввергает мусульман в тягчайший грех.

[10]

Фанатичное неприятие приверженцами ислама иноверцев основывается на одном из предписаний мусульманской религии - призыве к священной войне за веру. Отечественные авторы выводят сущность джихада из анализа его

социальных функций, среди которых называется морально-психологическая функция - «способность стимулировать религиозно-политическую активность мусульман, побуждать и привлекать их к участию в насилии, поддерживать в них религиозное рвение и даже фанатизм». [11]

Обоснование законности с религиозной точки зрения вооруженного джихада приводит к своеобразной интерпретации «шахидизма», этого специфического феномена в исламе. Термином «шахид» традиционно обозначали мусульманина, пожертвовавшего собой за веру, принявшего мученическую смерть. Воина, павшего в битве с врагами Аллаха и мусульман, в раннем исламе именовали шахидом. На протяжении истории ислама в религиозном сознании постепенно закрепился культ мученичества за веру, шахиду обещается освобождение от личных проблем, вечная жизнь в раю, приобретение почетного положения для себя и своей семьи и прочие блага. [12]

Экстремистские движения прославляют самоубийц, интерпретируя «шахидизм» как «священную войну за веру». Они абсолютно игнорируют то, что согласно исламской ортодоксии, мусульманин, сознательно совершивший самоубийство, не может считаться шахидом, что Аллах считает тягчайшим грехом и никогда не прощает самоубийство, повлекшее за собой гибель ни в чем не повинных мирных людей. Идеологи исламского фанатизма представляют шахидизм как необходимость, основанную на законах «Священной войны». «По их мнению, нет более эффективного способа нанести ущерб, напугать врага и посеять страх в рядах противника, сорвать его планы – и все это при минимальных потерях». [5]

Основными распространителями экстремистской религиозной идеологии на Северном Кавказе стали Муса Мукожев и Анзор Астемиров, выпускники саудовских исламских институтов. Последний был первым кадием шариатского суда «Кавказского эмирата». Еще в начале 2008 года А.Астемиров которого Д.Умаров организовал веб-сайт Islamdin.com, который вместе с другими веб-сайтами «Кавказского эмирата» размещал исключительно джихадистскую

литературу, в том числе многочисленные переводы трудов ведущих радикальных джихадистских богословов, идеологов и пропагандистов из стран Арабского востока. Сегодня сайты «Кавказского эмирата» размещают краткие изложения на русском языке и переводы публикаций и статей из англоязычного журнала «Аль-Каиды» «Инспайэр» (Inspire). [8]

Остановимся на анализе целей и стратегии «Кавказского эмирата».

Амбиции ЧРИ в отношении панкавказского расширения стали очевидными и институционализировались, когда с провозглашением «Кавказского эмирата» утверждалось не только его господство на всем Северном Кавказе, но и объявление джихада против Соединенных Штатов, Великобритании, Израиля и любой другой страны, которая ведет военные действия с мусульманами в любой точке мира. [13]

В современных условиях Северного Кавказа террористические группировки «Кавказского эмирата» являются, как правило, сетевыми структурами, не имеющими обязательств перед рядовыми членами и не ограничивающими себя в выборе средств. Эти сетевые структуры являются самоорганизующимися и полицентричными, нацеленными на достижение конкретных целей и задач и состоящими из абсолютно автономных, порой временных, коллективов. Эти террористические сети являются более подвижной и трудно уязвимой целью в сравнении с централизованными организациями. Новая сетевая модель дает возможность достижения большей скрытности и эффективности. Распространение информационных технологий предоставляет возможность оперативного согласования любых террористических акций отдельных групп.

В этом русле в последние годы и происходит видоизменение терроризма на Северном Кавказе. Наиболее характерной формой самоорганизации радикалов на Северном Кавказе стали т.н. «джамааты», которые выстроены, в целом, по этническому принципу, и действуют, в основном, в рамках «своих» республик. Поскольку в результате естественной убыли боевиков старшего

поколения «джамааты» пополняются молодыми людьми, их нередко в научных изданиях и публицистике называют «молодежными джамаатами». Сегодня эти сетевые структуры объединены на обновленной идеологической основе, которая является не просто совокупностью экстремистских идей, а системой «аргументов». [7]

Основное направление террористической деятельности боевиков северокавказских «джамаатов» сосредоточено, в основном, на террористических актах представителей властных структур, сотрудников правоохранительных органов, представителей духовенства.

«Джамааты» на пути совершенствования террористической тактики и стратегии ушли от практики лобовых столкновений и приняли на вооружение тактику диверсионно-террористического «роя», которая характеризуется способностью к быстрой смене мест дислокации, маневру и, при необходимости, объединению с другими террористическими группами. Между «джамаатами» существует стабильная связь для согласования и координации совместных действий. При этом, что особенно тревожно, вчерашние боевики «вышли из леса» и обосновались в городах, вовлекая в свою деятельность некриминальную образованную молодежь.

На сегодняшний день распространение терроризма в регионе стало реальностью. Наиболее сложная ситуация сложилась в Дагестане и Ингушетии. Другими словами, активность боевиков перешла из Чечни в другие субъекты Северного Кавказа и полностью сосредоточилась на террористической деятельности.

Таким образом, современный религиозный терроризм в лице «Кавказского эмирата» представляет одну из значимых угроз безопасности России. Поэтому помимо выяснения сущности и анализа «Кавказского эмирата», особенностей его специфики, актуальной становится проблема профилактики религиозного терроризма и борьбы с ним.

Однако, одного только силового противодействия современному религиозному терроризму недостаточно. Направленность действий силовых структур на репрессивные способы подавления религиозного терроризма, как показывает мировая практика, действенная только в случае борьбы с его вооруженными проявлениями. Следовательно, применение силового воздействия к носителям радикального религиозного сознания, которые не прибегают к насилию для реализации своих идей, неминуемо делает государственно-правовую политику одним из факторов увеличения социальной базы религиозного терроризма.

Подводя черту, следует признать, что в силу геополитического положения особенностей исторического и культурного развития исламский фактор будет оказывать устойчивое влияние на внутреннюю ситуацию в России и ее внешнюю политику. Государственным органам и структурам России необходимо четко сформировать и научно обосновать концепцию относительно взаимоотношений государства и ислама, о роли и месте мусульманского населения в общественно-политической и духовной жизни страны.

Список литературы

1. Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Дону: 2004.
2. Алиев А.К., Юсупова Г.И. Терроризм как угроза глобальной и национальной безопасности. Махачкала: 2010
3. Бережной С.Е. Исламский фундаментализм на Юге России. Ростов н/Дону: 2004.
4. Гаджиев Р.Г. Ваххабизм: особенности его проявления на Северном Кавказе. Махачкала: 2002.
5. Добаев И.П. Идеологические установки и практика исламистских организаций на Юге России в условиях социальных трансформаций // Научная мысль Кавказа. Спецвыпуск. 2008. № 1.

6. Добаев И.П. Ислам и политика в северокавказском регионе России // Ислам на Юге России / Сост. и отв. ред. А.В.Сызранов. Астрахань: Изд-во АФ ВАГС, 2007.
7. Добаев И.П. Политические процессы в исламском движении на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. 2008.
8. Доклад Института стратегических исследований США о структуре подполья на Северном Кавказе. Код доступа: <http://constitutions.ru/archives/9120>
9. Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2 (8).
10. Кудрявцев А. “Ваххабизм”: проблемы религиозного экстремизма на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 3 (9).
11. Курбанов Х.Т. Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе. Ростов н/Дону: 2006.
12. Магомеддадаев А.М. «Исламская» Россия? Политический ислам на Северном Кавказе: роль внешнего влияния (на примере Дагестана) // Донской юридический институт. Ученые записки. Т. 23. Ростов н/Дону: 2004.
13. Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: 2004.
14. Roy O. Globalised Islam: The Search for a New Ummah. London: C. Hurst and Co, 2004.

References

1. Akaev V.KH. *Islam: sotciokul`turnaia real`nost` na Severnom Kavkaze* [Islam: the socio-cultural reality in the North Caucasus]. Rostov n/Donu, 2004.
2. Aliev A.K., Iusupova G.I. *Terrorizm kak ugroza global`noi` i natcional`noi` bezopasnosti* [Terrorism as a threat to global and national security]. Mahachkala, 2010.
3. Bereznoi S.E. *Islamskii` fundamentalizm na Iuge Rossii* [Islamic fundamentalism in the South of Russia]. Rostov n/Donu, 2004.

4. Gadzhiev R.G. *Vakhabizm: osobennosti ego proiavleniia na Severnom Kavkaze* [Wahhabism : peculiarities of its manifestation in the North Caucasus]. Mahachkala, 2002.
5. Dobaev I.P. Ideologicheskie ustanovki i praktika islamistskikh organizatsii` na Iuge Rossii v usloviakh sotcial`ny`kh transformatsii` [Ideological and practice of Islamic organizations in the South of Russia in terms of social transformation]. *Nauchnaia my`sl` Kavkaza*, no. 1 (2008).
6. Dobaev I.P. Islam i politika v severokavkazskom regione Rossii [Islam and Politics in the North Caucasus region of Russia]. *Islam na Iuge Rossii* [Islam in the South of Russia]/ A.V.Syzranov (ed.). Astrahan: AF VAGS, 2007.
7. Dobaev I.P. Politicheskie protsessy` v islamskom dvizhenii na Severnom Kavkaze [Political processes in the Islamic movement in the North Caucasus]. *Nauchnaia my`sl` Kavkaza*. 2008.
8. <http://constitutions.ru/archives/9120>
9. Ignatenko A.A. E`ndogennyi` radikalizm v islame [Endogenous radicalism in Islam]. *Central`naia Aziia i Kavkaz*, no. 2 (2000).
10. Kudriavtsev A. "Vakhabizm": problemy` religioznogo e`kstremizma na Severnom Kavkaze ["Wahhabism" : the problem of religious extremism in the North Caucasus]. *Central`naia Aziia i Kavkaz*, no. 3 (2000).
11. Kurbanov KH.T. *Religiozno-politicheski` e`kstremizm na Severo-Vostochnom Kavkaze* [Religious and political extremism in the North- East Caucasus]. Rostov n/Donu, 2006.
12. Magomeddadaev A.M. «Islamskaia» Rossiia? Politicheski` islam na Severnom Kavkaze: rol` vneshnego vliianiia (na primere Dagestana) ["Islamic " Russia ? Political Islam in the North Caucasus : the role of external influences (for example, Dagestan)]. *Donskoi` iuridicheskii` institut. Ucheny`e zapiski*, vol. 23. Rostov n/Donu, 2004.
13. Malashenko A.V. *Islamskie orientiry` Severnogo Kavkaza* [Islamic Guidelines of the North Caucasus]. M., 2004.

14. Roy O. Globalised Islam: The Search for a New Ummah. London: C. Hurst and Co, 2004.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Агаев Хубяр Фейзи оглы, аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Университетская наб., 7-9, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия

hubik@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Agaev Hubjar Fejzi ogly, graduated student

Saint Petersburg State University

7-9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

hubik@mail.ru

Рецензент:

Шахов Денис Андреевич, к.с.н., генеральный директор научно-информационного издательского центра ООО «Ростра»